

– Где ты, сэр Тристрам Лионский?

– Сэр, – говорит сэр Динадан, – это сэр Паломид.

– Как, сэр Паломид, разве вы не войдете к нам сюда?

– Позор тебе, предатель! – отвечал сэр Паломид. – Да знай, что будь сейчас день, а не ночь, я убил бы тебя моими собственными руками! И где бы я ни встретил тебя, – сказал сэр Паломид, – ты умрешь за сегодняшнюю измену!

– Сэр Паломид, – отвечал сэр Тристрам, – вы вините меня напрасно, ведь если бы и вы поступили по-моему, вам досталась бы честь победы. Но уж раз вы меня заранее предупреждаете, я теперь буду вас остерегаться.

– Позор и стыд тебе, предатель! – еще раз воскликнул сэр Паломид и с тем удалился.

Наутро сэр Тристрам с Изольдой Прекрасной и сэр Блеоберис, сэр Эктор Окраинный, сэр Гарет и сэр Динадан отправились в путь и, где сушей, где морем, доставили Изольду Прекрасную в замок Веселой Стражи. Там они отдыхали неделю, предаваясь всевозможным играм и развлечениям, какие могли измыслить. А король Артур с его рыцарями отбыл в Камелот.

Сэр же Паломид ехал с двумя королями, предаваясь жесточайшей печали, какую можно вообразить, ибо он сокрушался не только из-за разлуки с Прекрасной Изольдой, но также еще и потому, что лишился дружбы сэра Тристрама. Ибо сэр Тристрам был так добр и великодушен, что, вспоминая его, сэр Паломид никогда уже не мог радоваться и веселиться.

16

А на исходе той недели сэр Блеоберис и сэр Эктор простились с сэром Тристрамом и его королевой. И они увезли с собой богатые дары. Но сэр Гарет и сэр Динадан навсегда остались с сэром Тристрамом.

Когда же сэр Блеоберис и сэр Эктор приехали в замок на берегу моря, где в то время пребывала королева Гвиневера (а королева к этому времени, милостью Божией, оправилась от своей болезни), она стала спрашивать их, откуда они прибыли. И они ей отвечали, что едут от сэра Тристрама и Прекрасной Изольды.

– А как поживает сэр Тристрам, – спросила королева, – и Изольда Прекрасная?

– Истинно, госпожа, – отвечали двое рыцарей, – он живет во всем так, как подобает благородному рыцарю. А что до королевы, она несравненна среди дам, ибо о красоте ли ее будет речь или о щедрости, о веселости и добронравии – ни в чем не встречали мы ей равных, сколько ни ездили по свету.

– А, помилуй, Иисусе! – сказала королева Гвиневера. – Так говорят все, кто ее видел и с нею беседовал. Хотелось бы мне, волею Божией, – сказала она, – обладать хоть частью ее достоинств! А тут мне еще пришлось проболеть все время, пока продолжался турнир, и теперь, сдается мне, я во всю мою жизнь не увижу более такого собрания благородных рыцарей и прекрасных дам.

Двое рыцарей рассказали королеве, как в первый день победителем был приглашен сэр Паломид, а во второй день первенство досталось сэру Тристраму, в третий же день всех превзошел сэр Ланселот.

– Ну, – сказала королева, – а кому же принадлежит первенство за все три дня?

– Да поможет нам Бог, – отвечали двое рыцарей, – всех меньше поражений потерпели сэр Ланселот и сэр Тристрам. Но знайте, что и сэр Паломид выказал великую доблесть и мощь, но он выступил против своих, против рыцарей, с которыми прибыл на турнир, и по этой причине лишился части своей завоеванной прежде славы, ибо все могли видеть, что сэра Паломиды терзает зависть.

– Ну, если так, то он не много чести завоеует, – сказала королева, – ибо если завистнику однажды удастся отличиться, то дважды он потерпит поражение. И по этой причине все благородные люди не любят завистников и не выказывают им дружества, того же, кто учтив, добр и благороден, повсюду встречают с любовью.

* XIII *